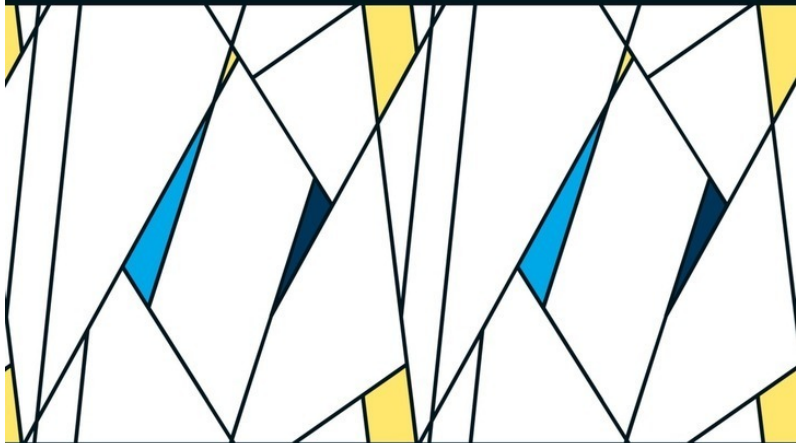

Анатолий Агарков

**СОКОЛОВСКАЯ
ПАСХА**

Анатолий Агарков

Соколовская пасха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31728015

ISBN 9785449071965

Аннотация

Станицы Соколовской больше нет. С землей сравнялись холмики могил, фундаменты домов, колодцы. Лесная тишь и благодать на месте прежнего жилья. Память людская жива. Из поколения в поколение потомки казаков Богатыревых рассказывают эту быль – когда пошел на брата брат. Как рубились насмерть два побега одного корня – не по злобе непримиримой, а спасая станицу от большей крови. Так бывает. Такова участь атаманов. Не ты, не я – Бог им судья!

Соколовская пасха

Анатолий Агарков

*Такой борьбы, в которой бы
заранее известны были все шансы,
на свете не бывает.*

(В. Ленин)

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-7196-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поля совсем оголились. Только в глубоких лощинах да оврагах ещё таились от солнца грязно-ноздристые исхудавшие сугробы, но и те с шуршащими вздохами оседали, холодными струями уходили в землю. А земля была чёрная, бухлая, томно грелась под солнцем и нежила тучное своё тело, нахолодавшее под белыми пуховиками зимы.

Разноголосо лопотала-бурлюкала вода. Толпами звонких мутных ручейков сбегала она со всех сторон и там, на дне оврага, затевала безудержный бунт, а потом сильная, освобождённая от тяжёлых снов и колыбельных песен зимы, с глухим рёвом устремлялась в Черноречку.

Сосновый бор на горе, старый великан, тихо покачивал

зелёными кудрями и тянулся к солнцу в голубеющую высь. Сосны беспрестанно тихо гудели – не о той ли воле богатырской, что всё мерещится где-то там, за вешним, ярко играющим горизонтом?

Вязкий суглинок дороги липнул к копытам лошадей, нарастал на них пудовыми ошмётками, отваливался и налипал снова. Лениво взлетали вдоль дороги грачи и, покружив в тёплом дыхании весны, садились вновь, деловито изучая землю.

Красно-партизанский отряд Константина Богатырёва въезжал в родную Соколовскую станицу и быстро таял на глазах – казаки заворачивали на свои подворья.

Вот и дом отца. Уже многие годы он ничуть не менялся – всё также мощно, кряжисто лезли в глаза рубленные «в лапу» венцы, голубели наличники и ставни, высокие столбы ворот, прямо как часовые на посту, охраняли просторное подворье.

На миг померещилось Константину – вот сейчас откроется, звякнув кольцом, калитка, и выбежит на улицу вихрастый круглолицый мальчуган. Помедлил, пребывая в грёзах, да и повернул коня к дому своего детства.

Уже спешившись во дворе, Константин увидел под навесом лошадь, узнал буланого Петра, и безрадостно заныло у него под сердцем. Старший брат пришёл с германской есаулом. После революции собрал бывших однополчан для борьбы с Советами. За Константином пошли те, кто сочувство-

вал новой власти. Бог миловал – братья не встречались ни в тёмном лесу, не в широком поле, а теперь вот сошлись под отеческим кровом, похристосоваться, так сказать, на самую Пасху. Делать нечего, придётся слушать упрёки и насмешки белоказачьего есаула.

Ещё в сенях он уловил знакомый с детства дух половиков, овчинных тулупов, прокалённых на широкой русской печи, и сладковато-дурманый запах пасхальных куличей.

Мать кинулась к порогу, всплеснув руками, и, не обняв даже, тут же уткнулась носом в край косынки – плакать. Отец радостно засверкал глазами, чуть оторвал свой зад от скамьи у стола. Сидевший напротив Пётр криво ухмыльнулся и тоже привстал.

– Смотрите, кто пожаловал! Сам товарищ краснопузый командир. Наше вам, – он размашисто поклонился. – С приездом, браток-большевичок! Прошу к столу, господин социал-демократ, лихой казак, командир бандотряда, лучший рубака станицы – сволочь, одним словом! Вам, случаем, товарищи ещё не поручили дивизию? Может вы уже – высокопревосходительство краснопузый генерал? Сколько же вы, поганцы, крови людской пролили ради своей революции.

Константин ткнулся носом матери в плечо, неторопливо разделся, снял сапоги, сел за стол, пожав руку отцу, и стал напряжённо слушать.

– А чего это ты явился, спрашивается. За большевиков агитировать?

Константин смотрел на брата тяжёлым взглядом, а Петру всё труднее удавалось сдерживать себя.

– Т-ты! Социалист-моралист! Чё ты пялишься, как кот на колбасу. Родину продал, совесть продал. Приехал мать с отцом Советам закладывать?

Пётр уже кричал, всё сильнее сжимая набрякшие кулаки. Перед тем было выпито немало. Голова у него закружилась, он качнулся и схватился за край стола. Месяцами накопленные в сырых лесных землянках тоска и злость внезапно прорвались в нём и выплёскивались теперь наружу, сочились в словах, взгляде, конвульсивных движениях, сжимали в болезненные тиски голову, требуя выхода, и Пётр уже не мог остановиться. Говорил, говорил, срываясь на крик, всё более багровея лицом.

– Ну, хватя вам! – пристукнул ладонью по столу отец, потянул носом, раздувая широко ноздри, кивнул на наполненные стаканы. – Давайте-ка, выпьем в честь Святого праздника.

Мать уже вышла, накинув на плечи тяжёлую шаль. Вскоре вошла Маня – Петрова жена. Кивком поздоровалась с дедом и стала, прислонившись к печи, спрятав за спину красные распаренные руки, глядя на мужчин тупо, отрешённо.

Богатырёвы все разом пригубили стаканы, одинаково запрокинули головы, громко похлопали кадыками, поморщились крепчайшему самогону, торопливо стали занюхивать и закусывать.

– Так-то будет лучше, – торопливо жуя щербатым ртом, проговорил отец.

Вошла мать:

– В баню-то вместе пойдёте или с бабами?

– Пойдём, Петро? – впервые, как вошёл, обронил слово Константин. – Я уж, чёрт знает, сколько не мылся, опаршил весь.

Старший брат нахмурился, подавляя вздохом давние мечты побанничать с женой.

– С тобой, говоришь? – он усмехнулся. – Ну, раз зовёшь – пошли.

В баньке он вёл себя по-хозяйски – зачерпнул где-то в углу ковш красноватой, неперебродившей браги, отхлебнул сам, протянул Константину. Да и как ему не быть здесь хозяином? Ещё когда был на германской, от детской шалости сгорел дом. Маня с ребяташками перебралась к свёкру, а Петру некогда отстроиться – с войны опять на войну.

Оглядывая раздетого брата, Константин почти со страхом сказал:

– Господи, исхудал-то как! Ты что, совсем без харчей зимовал?

Пётр уныло махнул рукой и отвернулся. После долгой паузы сказал:

– Классового врага пожалел?

Парились с остервенением, соревнуясь. Уже в предбанники, полуодевшись, потягивая всё ту же неотбродившую бур-

ду, посматривали друг на друга дружелюбно, почти с любовью.

После баньки отдохнуть, обсохнуть, отпиться кваском и поговорить по душам толком не удалось – прибежала радостная Наталья, жена Константина, и утащила мужа домой.

Вечеряли не долго. Разошлись по полатам и лежанкам.

Маня, утолив мужнину страсть, дождалась, когда он отодвинется, и села на кровати. Сгорбившись сидела, опустив босые ноги на пол, а спина её мелко тряслась.

Пётр, пытаясь успокоить её, машинально погладил по плечу, и она вдруг затихла. Он почувствовал, как напряглось всё её тело.

Маня тяжело, обиженно вздохнула и сказала с болью поразившей его:

– Господи, какая у тебя чужая рука. Я совсем отвыкла.

И он тут же убрал руку, отвернулся и не знал, что сказать ей.

Была ночь и для Константина, и Наталья рядом, её ласковый шёпот: «Подожди, ребята ещё не уснули», а ждать он не мог – желание было нестерпимым. Прижимаясь к нему так, словно хотела до конца слиться с ним, раствориться в его теле, она шептала каким-то незнакомым голосом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.